

Превыше правды нет закона

Category: Edebi makalalar, Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025

Превыше правды нет закона ПРЕВЫШЕ ПРАВДЫ НЕТ ЗАКОНА

15 декабря исполнилось 130 лет со дня рождения Бориса Леонидовича Смирнова (1891–1967) – выдающегося нейрохирурга, философа, историка, лингвиста, санскритолога – автора наиболее полного в мире перевода «Махабхараты», древнеиндийского эпоса, одного из крупнейших литературных произведений в мире

В середине семидесятых годов в Ашхабаде собрались выпускники Туркменского мединститута победного, 1945 года выпуска. Они приехали из разных городов страны, их привела в альма-матер властная память юности, опалённой войной. Мне, начинающей журналистке, поручили подготовить отчёт об этой встрече.

Исполненная чувства долга, я таскалась за бывшими однокурсниками по всему городу, ловила каждое их слово, боясь упустить малейший нюанс, ожививший бы мой репортаж. Я видела, как слетала с лиц этих остепенённых докторов лёгкая гримаса профессионального высокомерия, делающая похожими всех врачей мира.

На кладбище, куда пожилые студенты пришли почтить память любимого педагога, они по-детски беспомощно сгрудились над скромным надгробьем с надписью: «Превыше правды нет закона». Я и сама силилась понять, что же, кроме общеизвестной истины, стоит за этими словами, раз высечены они на могильной плите...

Опубликовав в своё время очерк о Борисе Леонидовиче Смирнове – академике медицины и переводчике легендарной «Махабхараты», главного, к стыду своему, я не знала.

Неисповедимыми путями попав в Ашхабад – после Украины, где родился (в семье земского врача-интеллигента), после Санкт-Петербурга, где учился (с золотой медалью закончил гимназию и с отличием – военно-медицинскую академию), после окопов Первой мировой войны, где молодым хирургом впервые задумался над природой зла, после Киевского мединститута, где преподавал и

за участие в религиозно-философском кружке и чтение лекций о передаче мыслей на расстояние схлопотал расстрел, заменённый семилетней (сначала дали три, потом ещё три, потом год) ссылкой в Йошкар-Олу, – здесь, в Ашхабаде (вот этого я не знала, да и знать не могла), он не просто переводил «Махабхарату», а с помощью древней индийской мысли стремился донести до соотечественников недоступную им правду об изначальной нравственной природе человека, задуманной Всевышним для сотворчества с Ним.

Духовный затворник системы, интеллектуал и полиглот, академик Смирнов был одним из ведущих нейрохирургов страны (впервые в Советском Союзе сделал операцию на позвоночном диске), являлся основателем неврологии и нейрохирургии в Туркменистане, внедрял в южной республике основы научной курортологии, вёл кафедру в мединституте.

Ещё в ранней юности, учась в гимназии, будущий академик определил для себя круг жизненных интересов, где медицина, которую «в библиотеках не добудешь», дополняла бы свод знаний о мире и человеке. Их он добывал самостоятельно, свободно (с детства) владея несколькими европейскими языками, изучив впоследствии турецкие диалекты и древнееврейский.

Наделённый особым свойством ума, сочетающим пытливость мысли с творческим озарением, он перелопатил всю мировую историю и философию, ища ответ на вопрос о сущности бытия. Так «приплыла» к нему в руки индийская «Бхагавадгита». Прочтя её сначала на английском, потом на немецком и обнаружив разницу в толковании, займётся санскритом. А через несколько лет, взяв в руки томик «Махабхараты», изданный в Индии, обнаружит, что почти свободно вчитывается в текст. Его потрясёт мудрость и поэтичность народа, избравшего для своего многовекового эпоса жгучую тему добра и зла. Восемнадцать дней братоубийственной войны обернулись тысячелетней памятью поколений, сложивших гимн свободе и правде...

Грандиозный, как принято считать, памятник верований, философии и государственной мудрости древних индийцев, священный кодекс нравов, обычаев, глубоко вошедший в народное сознание, «Махабхарата» – зеркало души индийского народа,

памятник ему самому, озарённому внутренним светом духовной правды. Так считал Борис Леонидович. Именно правдивость, подчеркивал он, верность данному слову, не нарушаемая даже перед лицом смерти, возведена в поэме в высшую добродетель, как и участливость к страданию других, умение стойко выносить собственные страдания, самоотверженность, терпеливость, самообуздание, безгневность, бескорыстие, почтительное отношение к женщине, приветливость, гостеприимство...

«...Я работал четверть века над этим творением духа, почти две с половиной тысячи лет изумляющего людей, зовущего на гималайские высоты мысли и сердца», – объяснял впоследствии Борис Леонидович свою приверженность духовной правде индийского эпоса.

Выход человечества к свободе и правде доктор Смирнов видел в познании сущности – безусловной и единой. Он не склонял людей ни к какой конкретной вере, а если и обращался к мудрости древних, то лишь потому, что нашел в ней понимание единого, заключенного во всех формах, но достигаемого путем духовного поиска как осознания нравственного жизненного долга. «Вся работа состоит в том, – писал он, – чтобы научиться слышать жизнь, уметь подчиняться её указаниям, но подчиняться не рабски, а сделать их своей собственной волей».

Этот акт Смирнов называл Посвящением и отрицал любую возможность его коллективного отправления, поскольку «массы не могут пойти на жертву, требуемую поиском пути, ибо жертва слишком индивидуальна и сурова». Страдание как процесс психологического развития возникает в структуре эволюции и утверждается как закон её, считал он и как врач, и как мыслитель, и как миссионер Правды, той самой, превыше которой нет закона.

Эти слова из «Бхагавадгиты», знаменитой Гиты, где описывается «встреча с единым к идущими к нему со всех сторон», Смирнов избрал своим девизом и нёс в жизнь всеми доступными ему способами – переводя эпос максимально близко к оригиналу, снабжая его научными комментариями и сносками, не уступающими по объёму самому переводу, вступая в переписку с многочисленными корреспондентами по всей стране. Как писал

впоследствии один из них, к Смирнову шли, ехали, летели. И писали. Исповедовались. Делились сокровенным. И он отвечал. Ему важно было утвердить каждого, кто откликнулся на его зов. А зов этот был вещим: личность Бориса Леонидовича притягивала всякую душу, что стремилась к духовной свободе.

Жил Борис Леонидович на тихой ашхабадской улочке, где ночами корпел над своей драгоценной «Махабхаратой». Годы ушли на поиск тональности перевода, наиболее приближённой к поэтике санскрита. Он добивался от своей версии распевного звучания и смысловой глубины оригинала. Сложность заключалась в том, что санскритский стих, по словам Смирнова, изобилует ассонансами, аллитерациями и внутренними рифмами, создающими сложнейший стихотворный узор, неисчерпаемый в своём разнообразии...

Шестнадцать вариантов Гиты за двадцать лет! Но отступить было некуда, поэма держала в плену пленительностью правды и красоты. Неумолимый переводчик нашёл им стилистический эквивалент, и «Махабхарата» впервые зазвучала на русском как вольная нерифмованная песня, как протяжная былинная баллада. Из ста тысяч её двустуший Смирнов перевёл двадцать три тысячи, отдав предпочтение философскому содержанию эпоса.

«Как врач с почти полувековым опытом, – писал академик в одном из своих предисловий, – беру на себя смелость кратко изложить практику некоторых йогических упражнений с учётом моментов, обычно не указываемых в переводах».

Врач, философ и лингвист, он являл собою уникальный синтез личности исследователя, художника и гуманиста, что позволяло безраздельно служить жизненному призванию так, как он его понимал.

«Для меня перевод «Махабхараты» не игрушка, не развлечение, а серьёзный долг перед Родиной, перед народом, в который я глубоко верю», – говорил Смирнов, призывая современников тем или иным путём наследовать завещанные древностью истины для осмысления преемственности бытия и поиска в нём нового слова.

Московские востоковеды не без ревности и известной доли снобизма относились к гуманитарному рвению ашхабадского подвижника, хотя изумлялись самой возможности одному человеку сделать то, что под силу целому научному институту...

Высоко оценил переводы Смирнова, но не смог добиться их опубликования в России вернувшийся в нее? незадолго до этого Юрий Николаевич Рерих. Он внезапно умер, и больше ничьих усилий не последовало.

В российской востоковедческой среде до сих пор бытует история о чиновнике, который воспрепятствовал изданию ашхабадской «Махабхараты» в Москве.

«Издадим, а Смирнов, человек старый и больной, возьмёт и умрёт, разбирайся потом с наследниками», – заявил чиновник, а вечером того же дня сам взял и умер.

Бориса Леонидовича мало волновали страсти вокруг его имени. Он делал то, к чему был призван, и знал, что с него «спросится».

Звали Смирнова на завидную должность в Киев, где он выиграл академический конкурс, приглашали в Индию, где был высоко оценен его духовный и лингвистический подвиг, но, слабеющий от врожденного порока сердца, он никуда не двигался из Ашхабада, на который «указала рука жизни». Что-то открывалось ему здесь, что-то таинственно-высокое, роднящее с правдой индийских мудрецов...

Уже смертельно больной, прикованный к постели жестокой болезнью, Борис Леонидович до последнего часа не оставлял переводы и с привычным для врача равнодушием к невзгодам тела продолжал восхождение к высотам духа.

Труд академика от медицины увенчали десять увесистых томов индийского эпоса на русском языке, их издала туркменская Академия наук, и редко в каком культурном доме Ашхабада не было хотя бы одного из этих томов в твёрдом переплёте как знака причастности некоему таинственному ведическому ордену.

Как-то мне в руки попал внушительный любительский альбом, доставленный из Кишинева, от почитателей учения «духовного светоча человечества», кем, оказалось, сльвёт Смирнов в среде своих последователей. Любовно вклеенные в альбом тексты под машинописную копирку несли в себе какую-то мистическую, неподвластную мне тайну. Человечество, говорилось в нём, вступило в полосу тысячелетней, тотальной и последней, борьбы с врагом, о котором не подозревает. С Победой нашего народа во Второй мировой войне наряду с величайшим жертвоприношением

завершена культура Европы, и теперь предстоит создание новой цивилизации на планете...

До Победы ещё далеко, но она уже провозглашена, и теперь задачей новых поколений является восстановление утраченного и творческое преосуществление грядущего.

Неведомый мне автор сообщал также, что подвиг хранения завершён, найдено положительное решение судьбы нашей Родины, нашего Региона, и теперь в наших силах сказать новое Слово. Для этого, констатировал автор, и работал свои последние земные годы Борис Леонидович Смирнов, этот великий океан духа... Я с волнением пролистала загадочный альбом, со страниц которого смотрели прекрасные лица озарённых внутренним светом людей – родных академика, сам же он излучал скромное обаяние великой души.

О, эти лица со старых дореволюционных фотографий! Редко в какой советской семье ни хранились они свидетельством причастности ушедшей эпохе.

Первое послевоенное поколение, мы стали и последними, на кого упал отсвет личностной культуры, донесённый до нас нашими учителями, во всяком случае, теми, кто впитал в себя традиции просвещенной России.

Три войны выстригли цвет нации, но не переставала пускать корни благородная порода людей, сеявших доброе и вечное.

В ночь катастрофического ашхабадского землетрясения, 6 октября 1948 года, рискуя погибнуть под обломками рухнувшего дома, Борис Леонидович не покинул его, пока не вынес рукописи «Махабхараты», а потом, как был – в нижнем белье и калошах на босу ногу (девятибалльный толчок пошвырял людей в два часа ночи), – ринулся на центральную площадь города, где организовал стихийный госпиталь под открытым небом.

День и ночь оперировали хирурги на канцелярских столах. Тысячи, десятки, сто тысяч погибших за одну ночь!..

Живых, но изувеченных, покорёженных, истекающих кровью, доставляли сюда, на площадь, к Смирнову, и он спасал, не считаясь с силами, на грани самопожертвования.

«Подходя к операционному столу, к телу пациента, всегда чувствую, что подхожу к престолу и пречистому телу». Его

слова.

Сколько живу, столько помню эту пустынную земляную площадь, пересекаемую под лёгкий свист подгоняющей пыльной позёмки.

От площади давно не осталось и следа, она застроена, как застроено всё в Ашхабаде, но стоит мне вспомнить это место, и перед глазами встаёт освещённая факелом фигура невысокого худощавого человека в круглых старомодных очках, этакого Махатмы Ганди, на кого к концу жизни разительно стал похож Борис Леонидович Смирнов.

Людмила ГЛАЗОВСКАЯ

(Туркменистан, Россия). Edebi makalalar